

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Клуб

ВОЗМЕЗДИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *В. Щербакова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Клуб возмездия / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо,
2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-229585-0

Полковнику МВД Льву Гурову становится известно, что в одной из женских тюрем действует так называемый «клуб взаимопомощи». Его участницы, не согласные с решением суда, после освобождения помогают друг другу избавиться от своих мучителей, из-за которых они оказались в тюрьме. Гуров понимает, что таким образом число преступлений только множится. Он спешит пресечь деятельность «клуба», ищет убедительные доводы против подобного произвола. Именно в это время происходит покушение на одного из руководителей Главка: генерала взрывают в его собственной машине. Лев Иванович понимает, что раскрыть это убийство нужно как можно скорее, иначе... волну «праведного» возмездия не остановить.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-229585-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

— Делом Рясько займется Гуров. Если нужно, привлекайте дополнительные силы. Результаты нужны как можно быстрее, пресса с ума сходит, уже оборвали телефоны в приемных у пресс-служб. Дело резонансное, на контроле. А журналиги такое любят! Рясько сначала убила собственного ребенка, теперь мужа. Рецидивистка, таких в дурку надо закрывать вовремя. Врачи проморгали, а нам теперь разгребай. Еще эти журналисты чертовы, только и ищут, чего бы еще разнюхать, жареные факты им подавай!

Генерал Андрей Геннадьевич Юрцев даже покраснел, выплескивая свое недовольство на планерке перед подчиненными.

Полковник Гуров и его напарник по кабинету и оперской работе, Станислав Крячко, которые сидели в рядах сотрудников, переглянулись. Обменялись молчаливым недовольством и легким неодобрением без единого слова: да уж, прежний их руководитель такого

себе не позволял, всегда был сдержан и даже в какие-то моменты по-отечески дружелюбен.

Их взгляды для нового начальства незамеченными не остались. Все-таки генерал Юрцев тоже сыскарь, а бывших оперов не бывает, на всю жизнь остается эта способность сканировать и в мелочах читать человека за секунды.

Генерал потемнел лицом:

— Какие-то вопросы?

Ему никто не ответил, все-таки Гуров и Крячко не первый год в органах, оба уже полковники, давно выучили: начальству если и говорить что-то против, то только по делу, с соблюдением субординации и вескими аргументами.

Но нервы не выдержали у сидящего в конце п-образного стола молодого опера Романа Кудряшова. Он и до этого ерзал бледный и напряженный на конце узкого «языка», как раз напротив начальника, словно на расстреле. Пальцы то и дело принимались теревить тоненькую стопочку из допросов и экспертиз.

И тут, не выдержав уничижительных и гневных слов, которые были направлены будто непосредственно в его адрес, почти выкрикнул:

— Товарищ генерал, ну пожалуйста, разрешите мне дальше тоже заниматься этим делом. Вместе с Гуровым. Там почти она приналась, Рясько. Я дожму ее!

Юрцев отчеканил:

— Во-первых, не с Гуровым, а с товарищем полковником Гуровым, во-вторых, Кудряшов, неделю вы уже работали по делу, и результат нулевой. В первой же инстанции любой адвокат-первогодка все развалит. Чистосердечного нет, со следствием, то есть с вами, обвиняемая не сотрудничает. И это называется почти призналась?!

Роман так и взвился на своем месте:

— Он не нулевой, я сделал все, что полагается! И соседей опросил, камеры просмотрел, свидетелей нашел, ну, почти свидетелей. Они видели...

Договорить ему Юрцев не дал, рявкнул на молодого опера:

— Кудряшов, дело должно пойти в суд, и чем быстрее, тем лучше! Нас уже начальство держит за шею, а журналисты за пятки кусают. О чем мне доложить, о твоих почти свидетельствах? Нужно чистосердечное, и точка. Остальное все чушь собачья, никто там толком ничего не видел. Грош цена твоим доказательствам. Повторяю, наймет тетка хорошего адвоката, и он от твоих предположений и догадок камня на камне не оставит. А нас так протащат в прессе, что мало не покажется. И так пишут, что прикрываем детоубийцу, рецидивистов отпускаем на свободу, ну и тому подобное. Так что, Кудряшов, тебе эта убийца не по зубам.

Заметив, что молодой оперативник сник, Юрцев подобрел:

— Да, не хватило силы дожать ее, но ничего. Все приходит с опытом. Ты поработай сегодня еще с опытным опером, посмотри, как таких раскалывать. Полковник Гуров покажет, как ее заставить говорить, а с завтрашнего дня я тебя на другие дела поставлю. У нас такого добра навалом, штаны протирать ни у кого не получится, — и повернулся к оперативному работнику с многолетним стажем, Льву Гурову. — Ну все, товарищ полковник, принимайте дело. Помните, нужно чистосердечное, и как можно быстрее, а потом в суд — и забудем уже про эту изжогу и журналистов поганых. Давайте, покажите класс молодняку. Вы же сыскарь первоклассный, это дело так — на один день. Планерка закончена на этом, приступайте к работе.

— Есть, товарищ генерал, — кивнул Лев Иванович Гуров и поднялся со своего места — приказы надо выполнять. Хотя ни дело, ни манера, в которой ему выдали задание, ему категорически не нравились.

По коридору Управления Кудряшов пошел за ним следом:

— Товарищ полковник, что делать-то? Ну она же не напишет чистосердечное, я с ней три раза разговаривал. Одно слово — разговаривал, эта Рясько молчит вообще как рыба.

Может, ей попросить психиатрическую экспертизу? Наверное, прав товарищ генерал, она все-таки невменяемая? Ну разве нормальная убьет ребенка и мужа?

Лев Иванович повернулся к парню. В другой раз с удовольствием бы побеседовал, обсудил, какие перспективы у этого с виду простого дела. Простое, но сложное, есть в нем свои скрытые аспекты.

Хотя преступник, вернее, преступница имеется, но вину ее доказать сложно, значит, и завершить расследование, отправить в суд ее тоже трудно. Доказательств мало, и Юрцев прав, когда настаивает: только чистосердечное признание и сотрудничество со следствием могут помочь в этом случае добраться до суда. Правда, и растерянность молодого опера понятна. Как это сделать, если задержанная до сих пор не сказала ни слова? Надо подумать...

Но в этом-то и была проблема у полковника Гурова. Он привык размышлять над сложными, запутанными преступными схемами в одиночестве, вычерчивая замысловатые комбинации из черточек, точек и стрелок. До тех пор, пока картина преступления не становилась для него ясна. Об этом знал и его начальник, генерал Петр Николаевич Орлов, который много лет возглавлял оперативный отдел Главного управления уголовного розыска МВД России. Он был начальником и другом Льва Ивановича много

лет, изучил его натуру и всегда поручал оперу самые сложные, казалось бы, неразрешимые дела. Потому что был уверен — тот найдет ответ и соберет доказательства, всего лишь надо не давить, не трогать Гурова, а, наоборот, терпеливо подождать. И у Льва Ивановича всегда было время сосредоточиться, побыть в одиночестве. А сейчас суета Кудряшова и давление нового начальника лишь мешали.

Генерал Орлов сейчас занят совсем другими делами и находится далеко от Москвы. В министерстве начались какие-то экстренные пертурбации, и Петра Николаевича назначили на пост заместителя министра на время болезни основного чиновника, а после назначения еще и отправили на юг разбираться с громким делом об экологической катастрофе. Клубок там закрутился знатный, распутывать долго, поэтому генерала можно ждать обратно на свое место не скоро. И конечно, на его место был назначен такой же временно исполняющий обязанности начальника отдела — полковник Юрцев Андрей Геннадьевич.

Новое руководство оказалось полной противоположностью умудренному годами Орлову, немало повидавшему на своем веку. Андрей Геннадьевич был молод для такой должности, всего лишь на три года старше Гурова. Но если Лев никогда за должностями и званиями не гнался, его работа опера-важняка полно-

стью устраивала, то Юрцев оказался махровым карьеристом. До этого он успел сделать стремительную карьеру и до сих пор продолжал идти к вершинам, особо не задумываясь ни о чем, кроме звездочек и премий за показатели. За две недели работы с ним опера поняли: любое дело он рассматривает лишь с точки зрения выгоды, как можно его включить в отчет или хитро скрыть, чтобы не портило статистику. Да и подчиненные, казалось, для него были не людьми — винтиками в системе, как и он сам, такой же винтик, просто чуть побольше. Шустрый, везде полезный, нахрапистый, привыкший от своих оперативников требовать и выжимать показатели хорошей работы отдела.

И от этого диссонанса Лев Иванович терялся. По уставу он, строго блюдуший субординацию, не имел права отказываться от расследования того или иного дела. Да в этом до сих пор и не было надобности, мудрый Орлов ставил опера только на сложные, часто безнадежные расследования, которые требовали блестящего ума и многогранного опыта в сыске. А Юрцев рассматривал опыт как умение довести дело до суда точно в срок. Но Лев Иванович не умел, не хотел смотреть на свою работу с такого ракурса. Но и не выполнить приказ начальника не мог — все-таки это его работа. Просто с генералом Юрцевым они видели ее по-разному.

Поэтому волнение Кудряшова Льва Ивановича раздражало тем, что мешало сосредоточиться, несмотря на то что работать с молодняком он любил. Всегда приятно видеть и растить достойную смену. Но не сегодня, не сейчас...

— Вот что, Роман, давай-ка позавтракай, собери бумаги, а потом решим, как дальше действовать.

Полковник Гуров постарался ничем не выдать свое раздражение — парнишка тут ни при чем. Он ни сном ни духом во всех этих тонкостях, что происходят сейчас в голове у Гурова. Лишь с тревогой смотрит на старшего коллегу: почему отправляет его, отказывается от разговора? Неужели он сделал ошибку? Наверно, опер-важняк считает его совсем глупым и никчемным сотрудником...

Лев постарался спрятать свое раздражение поглубже, а то парнишка совсем поник:

— Иди, Роман, после обеда займемся. Думаю, ты сделал все, что возможно. Будем искать теперь невозможное. Напишу отчеты по своей работе, и начнем с тобой сотрудничать.

Кудряшов с облегчением выдохнул: показалось, не злится на него Лев Иванович. Нет, правду все ребята в отделе говорят, что Гуров нормальный мужик. Всегда поможет, всегда прикроет, хоть и полковник. И никогда не орет, не наезжает. Лучше бы его сделали начальником отдела, а не этого наглого Юрцева.

ГЛАВА 1

Полковник уголовного розыска Лев Иванович Гуров шел по коридору к своему кабинету, который много лет делил с полковником, а по совместительству другом, Станиславом Крячко.

Тот уже с нетерпением поджидал приятеля внутри и, как только за Гуровым закрылась дверь, выпалил:

— Нет, ты видел, каков гусь? Его волнует только отчетность, елки-палки! Плевать, как вы это сделаете! Я уже давно такого не встречал. Все понятно, как он свою карьеру сделал! Я еле удержался, чтобы ему не высказать все! Показатели, конечно, это хорошо, но и меру знать надо, мы же не картошку копаем. У сыскарей каждое дело особенное, а тут... отношение, как к грузчикам.

Стас, как обычно, негодовал. Такое случилось с ним теперь почти каждый день после общения с новым начальством. Методы Юрцева он осуждал, не понимал, не принимал и еще много чего, о чем и хотел немедлен-

но наконец высказаться. Это, кажется, стало у них уже традицией — по утрам обсуждать работу генерала Юрцева. Что Льва все больше и больше напрягало, этот постоянный стресс мешал ему анализировать материалы уголовных дел, над которыми он работал.

Стас тем временем нетерпеливо выпалил:

— Ну и что ты делать собираешься с этим делом? Убийца-то молчит, Ромка Кудряшов не первый день бьется, он парень умный и старательный. Если сказал, что сделал все возможное, значит, так и есть.

Гуров пожал плечами:

— Работать.

— Думаешь, там что-то можно еще нарыть? Кудряш вроде парень с головой, не думаю, что он что-то упустил. Так, может, по мелочи. Дело-то глухарь по сути, ни доказательств толком, ни чистосердечного. Если бы эта Рясько не была судима за убийство ребенка, так и подозреваемой не стала бы. Ну ругались они с мужем, кричали, а кто мирно живет. Мы вот с женой, бывает, тоже... знаешь, можем устроить, но до убийства-то не доходит.

— Из-за чего ругаетесь? — улыбнулся Лев. — Не ту начинку в пирог Наталья кладет?

Стас фыркнул:

— Думаешь, это я злодей?! Наташа там, знаешь, какая у меня. Ух, в бараний рог как

скрутит, как начнет. И по дому не помогаю, и на дачу меня не заманишь. Я, конечно, тоже за словом в карман не полезу. А потом так стыдно становится, ну ведь правда, работа у нас такая. Ни выходных, ни проходных, а она все терпит, все на себе тащит, пускай ругается, если хочется. Потерплю, не развалюсь. Я с возрастом только понял это. А не надо отвечать ей, когда она тебе слово, а ты ей десять. Вообще молчать, а лучше говорить — да, да, ты права, столько всего для меня делаешь. Давай я за тобой поухаживаю, чаю сделаю, картошечки пожарю, как ты любишь. И сразу... у меня ласковая, заботливая жена, самая лучшая!

Лев даже на секунду позабыл о злополучном деле детоубийцы, с радостью смотрел на друга и улыбался. До чего приятно, что и столько лет спустя Стас и его жена счастливы в семейной жизни, так же, как и он. Вот уж правда, повезло им с женами.

Но тут же он нахмурился, вспомнив о Рясько. А что тогда произошло в этой семье, что женщина, хранительница очага, нежное существо, вдруг решила на страшный шаг — убить своих близких? Такие дела всегда вроде бы простые на первый взгляд, есть доказательства, нет хитроумных схем. Бытовуха, как называют ее между собой опера. И в то же время самые сложные, потому что известно два элемента оперативно-разыскной характеристики преступления — ■

место и орудие. А вот третий — мотив — всегда сложно понять, даже опытному оперу. Почему, из-за чего человек поднимает руку на близкого? Пользуется тем, что другой человек не подозревает о его намерении, не оказывает сопротивления, доверяет ему? И расправляется жестоко с тем, кого любил когда-то, с кем провел большую часть жизни. О ком должен заботиться, а поступает ровно наоборот...

А Стас между тем распалился не на шутку, снова вспомнив о планерке:

— То есть вот на что Юрцев намекает? Нужно получить чистосердечное, и точка, любимыми методами, как он говорит. Надавить! Так, может, еще пытать начнем, пока не подпишет все что угодно? Как в застенках НКВД? И в убийстве признается, и в том, что покушение совершила на Ленина, и что на ЦРУ работает. Ага, а подписывать будет кровью. Бред, мы закону служим, а не отчетам его. Старался бы, знаешь, он за правду, что преступник должен быть наказан. Так ведь ради галочки трясется, ради премии и чтобы к нему никаких претензий. Карьерист! Давить его надо без всякой жалости, избавляться! Пока отдел совсем не сгубил.

— Стас, — остановил лавину возмущений его товарищ. — Давай по факту. Что ты предлагаешь? Саботировать его приказ? Оснований

нет. Про пытки это все твои догадки, между строк, так сказать, чтение. Если как опер рассуждать, на языке доказательств, что произойдет, если пойдём мы и прыгнем через голову Юрцева, накатаем на него жалобу, допустим. Что там будет написано, какие доказательства его специфического отношения к работе?

Крячко даже подпрыгнул на своем месте:

— И что? Что, молчать? Промолчать и сделать вид, что это нормально?! То есть пришел новый начальник, и мы будем жить по новым правилам? Я больше двадцати лет опер, и двадцать лет работал не за зарплату, не ради премии. Для людей и ради того, чтобы все было по закону. А он сейчас от нас требует этот закон нарушить. Добиться чистосердечного всеми правдами и неправдами. Согласись, Лева, будь там веские доказательства ее вины — не те, от которых любой вменяемый адвокат и пыли не оставит, — не потребовалось бы нам ее признание. Ты понимаешь вообще это? Не ожидал от тебя такого, Лев Иванович! Ты же опер, полковник, офицер! Я с ребятами разговаривал, они такого же мнения. Все против Юрцева! А ты что, за него?!

Закончить свою речь, полную возмущения, он не успел. В дверь робко протиснулся Кудряшов:

— Товарищ полковник, можно? Я все материалы принес.

— Проходи давай, не стесняйся, присаживайся.

Он был даже рад, что молодой опер пришел раньше положенного. Гурову совершенно не хотелось продолжать неприятный и, что хуже, бессмысленный разговор с Крячко.

Есть у приятеля такая особенность — не разобравшись в сути, он вспыхивает как спичка. А уравновешенный Гуров его всегда успокаивал, гасил порывы друга. Но сейчас и ему было обидно от тех слов, что выкрикнул Стас. До того неприятно, что даже оправдываться или объяснять ничего не хотелось. Как тот мог подумать, что полковник Гуров испугался или решил прогнуться под нового начальника?! Никогда такого не было за все время их службы. Но выполнять приказы начальства он обязан, да что там, каждый из них обязан! Поэтому остается только работать по всем правилам, не обращая внимания на требования Юрцева, его гнев или милость. Это всегда приносит свои результаты при любом начальнике или власти — работать честно и старательно.

Поэтому опер внимательно принялся изучать материалы, которые собрал Кудряшов. А тот торопливо отчитывался по каждому документу:

— Так, получается, вот ее протокол допроса. Ну, она разговаривать не то чтобы от-

казывается. Признает вину, в смысле кивает. Но ничего не подписывает, не рассказывает, как убила, за что, почему. Толком никто ничего не видел. В общем, соседи...

— Подожди, — остановил его Лев Иванович. — Ведь Рясько рецидивистка, правильно?

— Ага, была осуждена, — закивал Роман.

— Давай тогда отсюда начнем, — попросил полковник. — Это поможет восстановить логику событий, понимаешь? Ведь она была обычной женщиной, а потом вдруг совершила два тяжких преступления. И надо понять, что ее толкнуло на это. Тогда сможем с ней поговорить, найти такие точки, куда можно надавить во время разговора. Расскажи мне про ее жизнь до того дня, когда она убила ребенка, а потом мужа, или не убила. До этого дойдем. Что было раньше?

Кудряшов на пару секунд растерялся, а потом зашуршал листами:

— Так, ну вот, значит, характеристики на нее хорошие. Она работала кассиром в магазине много лет, на хорошем счету там. Почти двадцать лет там отработала, замуж вышла за грузчика из того же магазина. Тот самый муж, Рясько Олег. Муж, правда, уволился отсюда, а она нет. Поженились, она родила ребенка и сидела в декрете.

— Сколько лет ей было на момент рождения ребенка?

Роман беззвучно зашевелил губами, вычисляя возраст:

— Сорок три.

— А замуж во сколько она вышла?

— За пять лет до этого, то есть, получается, в тридцать восемь.

Лев Иванович внимательно рассматривал фотографию задержанной, сравнивал с таким же казенным снимком, который был сделан после совершения первого преступления.

— Они выпивали с мужем?

Роман пожал плечами:

— Жалоб не было от соседей, участковый тоже их и не знал. Ни разу с Рясько проблем не было. Но в магазине — да, ее охарактеризовали как выпивающую. На работу приходила всегда трезвая, зато по выходным постоянно они с мужем покупали алкоголь. Думаете, отягчающее будет? При задержании ее не освидетельствовали на алкоголь...

Опер покачал головой — торопится парень.

И вернул его снова назад:

— А до замужества пила?

Роман долго перелистывал бумаги и все-таки пожал плечами:

— Нет информации.

Лев положил два снимка женщины рядом:

— На фотографии пятилетней давности явно признаки того, что она злоупотребляла